

В ПРОСТРАНСТВЕ

Разговор в скульптурной мастерской Александра Бурганова

— Мне кажется, Александр Николаевич, что вы слишком строги к себе, что преувеличиваете свое непонимание. В ваших произведениях как раз вскрывается структура миропорядка, его дуалистичность, взаимосвязь полярных явлений. Жесткие конфликты реальности находят отражение в самой эстетической форме ваших произведений. Но искусство приближает нас и к разрешению этих конфликтов. В ваших скульптурных композициях постоянно мелькает женский образ — идеально-спокойное, таинственно-отрешенное лицо, тонкая рука, прядь волос как символы гармонии, момент смирения зла, просветления души. Сквозь экспрессивную пластическую ткань, модернистские разрывы формы вдруг проступает безупречно вылепленная деталь, напоминающая о вечной красоте классической художественной формы. Контрапункт, синкопическое построение — характерный прием вашего скульптурного языка. По вашему мнению, такие контрасты присущи именно искусству нашего времени! Как вообще можно определить

пластическую палитру мастеров XX века!

— Я не берусь определять, что такое современный пластический язык. Мне кажется, мы искусственно ставим перегородки, на самом деле разрыва-ва-то между классикой и авангардом нет. Искусство всегда ищет одно — как выразить реальность, а язык лишь способ высказывания. Могу только вот что сказать: для классики характерна замкнутость, цельность формы, она строилась, как дом, отделенный от пространства. Теперь форма живет фрагментарно, с утраченными кусками, а между ними гуляет ветер, протекает пространство. Внизу пятка, а там где-то нос, а между ними силовые линии, магнитное поле. Современному человеку нужен лишь посыл, звонок, все, что он знает, ему не интересно. Деталь действует сильнее целого, между фрагментами, кусками — невидимая связь, как нервы. Важно только найти эту деталь и найти ее место. Так не только в скульптуре, но заметьте — и в кинематографе, и в театре, даже в музыке. А видеоклипы! Важен крик художника в

пространстве — и кто-то услышит его, а кто-то нет...

— Кто-то услышит, кто-то нет, кто-то воспримет, поймет, а другие останутся глухи... Так мы подошли к вечной теме «художник и публика», «творчество и восприятие»...

— Пожалуй, искусство само по себе не является ценностью. Ценность и смысл его в контакте с человеком. Когда я создаю скульптурный образ, я реализую себя в этом творческом акте, как бы оправдываю свое предназначение. Потому работа выходит к зрителю, она для него, словно искра, воспламеняющая воображение, пробуждающая мысль. У каждого зрителя свое восприятие, но если мой посыл не воспринят вовсе — это катастрофа, художественный акт не состоялся.

Когда я наблюдаю современных «звезд» поп-музыки, когда вижу, как в ответ на их крик отзываются тысячи голосов, как в такт музыке бушует море человеческих рук, я думаю, как же они счастливы! Искра их творчества зажгла пожар в людских душах. Контакт состоялся! Среди всеобщего хаоса на минуту воцарилась гармо-

ния. Это великая задача искусства!

— От больших философских проблем спустимся на землю. Как живется скульпторам в наши дни, когда изменилась вся система организации и поддержки труда художника!

— Откровенно говоря, раньше художники жили за счет государства. Оно нас основательно поддерживало, особенно скульпторов, работающих с монументальной формой. Были заказы на памятники, на городскую скульптуру. Ну, а если надо было просто подработать, то по-тихому делали какого-нибудь пионера или колхозницу, сбывали через комбинат Худфонда и бежали в мастерскую заниматься своим любимым делом. Конечно, идеологическое давление было, но разве сейчас нет давления коммерции! Это неизбежно, если хочешь жить за счет своего искусства. Зато нынче полная свобода инициативы, невозможно расслабиться, почитать на лаврах. Надо не только работать, но самому организовывать, доставать, искать спонсоров, устраивать выставки. Никаких заказов, никакой поддержки от Союза и до...

ков, никаких выставочных советов. Свобода, творческая свобода, которой нам всегда не хватало. Это прекрасно! Каждый пробивается сам, в одиночку, в меру своих сил и активности.

— Насколько мне известно, «пробиваться» в современной ситуации в изобразительном искусстве чрезвычайно трудно. Особенно художникам и скульпторам старшего поколения, признанным ранее крупным мастерам. В искусстве сейчас ключевые позиции занимает молодое поколение, художники «новой волны». Вокруг них кипит художественная жизнь, их выставляют в галереях, о них пишет критика, организуется реклама, продажа их работ.

— Смена поколений — это естественно, и она никогда не проходит без борьбы. Беда в том, что сейчас «старших» пытаются отеснить не по законам искусства, а по законам рынка. И тут художественные критерии уже ни при чем. Все, что было официальным, — плохо, что было подпольным, — хорошо. Такой теперь расклад. Раньше была монополия пар-

тийного аппарата, министерских чиновников, теперь монополия группировок, по принципу наши — не наши. Видимо, молодым обязательно нужна ситуация противостояния, «образ врага» как допинг для их энергии.

А давайте посмотрим на искусство без предвзятости, оценим его заново, по существу его духовных и формальных качеств. Ведь искусство имеет свой собственный «гамбургский счет»!

— Александр Николаевич, вы мне показали интересный документ: распоряжение Правительства Москвы о придании официального статуса музейной экспозиции при мастерской народного художника России, профессора А. Бурганова, названной «Музей классической и современной скульптуры». Этот музей будет входить в систему культурного пространства Арбата. Прокомментируйте, как вы собираетесь реализовывать этот проект.

— Это будет «Сад скульптуры», где будут экспонированы мои работы, произведения современных близких мне по духу художников и образцы

классического искусства, которые есть в моем собрании. Благо, условия моей мастерской, обширный двор, прилегающие переулки позволяют это сделать.

По моему замыслу, музей при мастерской — это как бы реализация моей художественной доктрины, моей позиции в искусстве. Ведь «частное собрание» — это всегда субъективное понимание искусства, духовный храм. Надеюсь, и молодежь привлечет, тех, кто настроен на контакт. Так сложится как бы субъективная история развития скульптуры, мир моих идеалов. Тут будут встречи, разговоры, концерты. Так я хочу выстроить форпост некоммерческого искусства, мечтаю сохранить дух свободного искусства. Создать пространство духовной жизни.

Мастерская Александра Бурганова расположена в гуще арбатских переулков. Проходите сквозь узкую темную подворотню и попадаете в типичный московский двор, зажатый высокими стенами старых доходных домов. Этот провинциальный курдонер превращен в ху-

дожественное пространство. Две прекрасные античные статуи встречаются у входа, как стражи классических истоков искусства скульптуры. Между ними авторская работа — горбатое уродливое существо на костылях. (Метафора исковерканной цивилизацией человеческой судьбы! Или символ разрушенной временем гармоничной формы!) За фигурами разверзается подземный зал, покрытый стеклянным шатром, в котором высвечивается экспозиция скульптур, шатер венчает знаменитая группа «Дерущихся коней», ставшая эмблемой творчества мастера. Контрасты, острое сопоставление форм и образов невольно напрягают нервы. А дальше по саду, по стенам и крышам разбегаются статуи и композиции из бронзы и мрамора, образуя загадочный и притягательный мир скульптуры.

Заходите в «Сад скульптуры Александра Бурганова». Капитка всегда открыта. Может быть, ваша душа откликнется на «крик художника в пространстве» и в вас пробудятся воображение, раздумья, надежда.

Беседу вела

Людмила
КРАМАРЕНКО.

● А. Бурганов. «Дерущиеся кони».